

Е. Г. Неклюдов
ЭВОЛЮЦИЯ ОБЛИКА УРАЛЬСКИХ ГОРНОЗАВОДЧИКОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.*

Благодаря развитию на Урале горнозаводской промышленности в XVIII — начале XX в. здесь сформировалась одна из старейших и крупнейших групп российских предпринимателей. Во многом общность уральских горнозаводчиков можно рассматривать в качестве своеобразной научной «модели», в эволюции которой отразились как общие, так и особенные черты отечественного предпринимательства. Облик владельцев уральских заводов под влиянием менявшихся условий развития отрасли претерпевал существенные изменения, что отразилось на составе заводчиков и специфике выполнения ими своих базовых функций владения и управления. Если эти характеристики заводчиков XVIII в. и первой половины XIX в. уже представлены в отечественной историографии,¹ то облик заводчиков второй половины XIX — начала XX в. изучен не полностью.² Наше исследование позволяет отчасти восполнить этот пробел, поскольку учитывает не просто отдельных известных заводчиков, а всю их выявленную совокупность.

В сложный заключительный период своей истории горнозаводское предпринимательство на Урале действовало в условиях крайней нестабильности: подъемы производства и его спады, порой достигавшие кризисного уровня,

сменялись чуть ли не каждое десятилетие. В результате уже к концу XIX в. Урал утратил роль главного металлургического региона страны, уступив ее Южному району.³ Это было обусловлено как общими для российской промышленности экономическими и политическими факторами, так и региональными особенностями развития отрасли, которые формировались в течение более чем полуторавекового предшествующего периода ее истории.

Открывшая новую эпоху крестьянская реформа 1861 г. разрушила прежнюю социальную организацию уральских заводов, основанную на крепостном труде.⁴ Переход на более дорогой и сложно организованный наемный труд был сопряжен с отстаиванием своих экономических интересов и владельцами, и бывшими крепостными. Он усилил социальную конфронтацию на заводах, что способствовало развитию массового рабочего движения, сменившего относительно спокойный дореформенный период господства патерналистских отношений между заводчиками и крепостным населением. Следствием реформы стало также землеустройство населения горнозаводских округов, принципы реализации которого еще больше обострили эти отношения, так и не урегулированные окончательно вплоть до национализации уральской промышленности.⁵

Другим труднопреодолимым «наследием прошлого» во второй половине XIX — начале XX в. оказалась и сложившаяся на Урале особая форма организации заводского хозяйства в виде окружной системы. В условиях начавшейся индустриализации ее составные элементы (заводы, отрасли) стали развиваться неравномерно, что привело к разбалансированности всей системы и к нарушению ее прежней стабильности.⁶ В такой ситуации заводчикам

¹ См.: Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., Т. 1. 1949; Павленко Н. И. История металлургии в России в XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

² См.: Сапоговская Л. В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX — начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопр. истории. 2006. № 3. С. 19–34; Друзин М. В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.

Неклюдов Евгений Георгиевич — д.и.н., г.н.с. сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: ntplant9@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках программы Президиума РАН № 33 «Традиции и новации в истории и культуре», проект «Урал в контексте Российской истории: эволюционная динамика социокультурного развития в XVI–XIX вв. (традиции изучения и концептуализация)»

³ См.: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

⁴ См.: Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

⁵ См.: Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

⁶ См.: Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007.

необходимо было преодолеть веками складывавшиеся стереотипы в отношении к организационным основам хозяйственной жизни их уральских имений и фактически создать новую промышленность, соответствовавшую уровню индустриального общества. Это требовало от них не только коррекции представлений, но и огромных капиталовложений, которые сами заводчики не всегда могли осуществить не столько из-за значительности своих личных трат, сколько потому, что в условиях нестабильной рыночной конъюнктуры они уже не получали больших и постоянных доходов. Именно финансовые возможности заводладельцев приобрели тогда определяющее влияние на проведение индустриализации в большинстве горнозаводских хозяйств Урала. Случалось, что в тяжелые годы ответственные заводчики даже отказывались от дивидендов, а в период острого экономического кризиса начала XX в. они пытались упорядочить рынок и повлиять на ценообразование посредством вхождения в российские монополистические объединения или путем организации региональных металлургических синдикатов.⁷

Недостаток оборотного капитала у заводладельцев и слабость рыночной инфраструктуры в стране уже в 1860-е гг. привели к упадку многих крупных горнозаводских округов (Кнауфского, Суксунского, Сергинско-Уфалейского, Ревдинского, Белорецкого, Юрюзанского и др.). Лишь развитие рыночных институтов с начала 1870-х гг., и особенно в 1890–1900-е гг., позволило им воспользоваться таким источником денежных ресурсов, как ипотечные и «подтоварные» ссуды в набиравших силу частных банках, привлечь отечественных и иностранных инвесторов (в основном английские, французские и бельгийские финансово-промышленные группы и коммерческие банки) к соучастию в финансировании заводов посредством организации акционерных компаний.⁸ Именно благодаря их помощи в 1890-е гг. были построены ставшие крупнейшими на Урале металлургические комбинаты (Чусовской, Надеждинский), а в 1910-е гг. во многих перспективных округах началась реализация масштабных планов реконструкции.

⁷ См.: Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (К характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993.

⁸ См.: Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

Незадолго до национализации промышленности несколько акционерных обществ (Лысьвенское, Богословское, Алапаевское) уже были озабочены покупкой или арендой участков Кузнецких каменноугольных копей, планируя в будущем обеспечивать подконтрольные им предприятия качественным минеральным топливом из Сибири.

Во второй половине XIX — начале XX в. во многих горнозаводских округах обострились и ресурсные проблемы. В одних округах, располагавшихся, как правило, на западном склоне Уральских гор, почти исчерпанными оказались столетиями эксплуатировавшиеся рудные месторождения, в других, находившихся в Зауралье, ощущался недостаток удобных лесных участков для заготовки древесного топлива (следствие как не всегда рационального их использования, так и продолжавшегося землеустройства бывшего крепостного и казенного населения). Попытки организовать новые горнозаводские хозяйства на богатых ресурсами территориях Приволжского края оказались безуспешными из-за неосвоенности этих земель и отсутствия удобных путей сообщения. Усиленные геологические изыскания, открытие некоторых казенных рудников и лесных дач для частной эксплуатации, укрупнение отдельных округов, введение «правильного» лесоустройства, использование на отдельных операциях альтернативных видов топлива (кокс, торф, нефтепродукты), внедрение в металлургическое производство ресурсосберегающих технологий и строительство железных дорог — все это позволяло компенсировать недостаток ресурсов. Но там, где в силу местных обстоятельств эти меры не приносили должного эффекта, приходилось снижать производительность заводов или совсем прекращать горнозаводскую деятельность. В частности, такая участь постигла большинство медеплавильных заводов Южного Урала. На закрытие были обречены и многие мелкие горнозаводские хозяйства с ограниченными ресурсами и возможностями для конкуренции.

В этой сложной ситуации от государства требовалось проведение рациональной налоговой, тарифной и таможенной политики, что позволило бы отечественной промышленности динамично развиваться. Насущной задачей становилась ликвидация устаревших правовых норм, которые сформировались еще в доиндустриальный период и лежали в осно-

ве распространявшегося на половину горнозаводских округов посессионного права. Без государственной поддержки было невозможно и ускоренное обновление системы транспортных коммуникаций в целях сокращения провозных расходов, преодоления географической отдаленности Урала, выхода к новым рынкам, источникам сырья и топлива.

На тяжелое положение уральской промышленности казна отреагировала как вполне адекватными, так и недостаточно эффективными мерами. К первым из них можно отнести мероприятия общего характера, направленные на формирование благоприятных условий для развития предпринимательства: понижение горных податей в 1869 г., затем полную их замену промысловым налогом в 1898–1901 гг., более умелое манипулирование провозными тарифами и таможенными пошлинами в зависимости от динамично менявшейся конъюнктуры мирового и внутреннего рынков металлов, снятие прежних сословных ограничений по владению горными заводами, открытие в 1887 г. «свободных казенных земель» для горнозаводского предпринимательства, строительство сети железных дорог на Урале с учетом потребностей горнозаводской промышленности. Вместе с тем посессионное право с его стесняющими экономическую свободу ограничениями претерпело лишь частичные изменения,⁹ сохранился и прежний контроль коронной горной администрации, у которой были отняты только полицейские функции.¹⁰ Не реализовалась полностью и программа приватизации казенных заводов, разработанная на рубеже 1860–1870-х гг. Широко распространенными оставались и меры прямой государственной поддержки отдельных заводчиков — от рассрочки платежей по залогам в казенных «кредитных установлениях» до предоставления «внеуставных» ссуд (недостаточных для полноценной реконструкции и в основном использовавшихся для погашения долгов), учреждения казенных управлений или особых опеки. Эти, как правило, неуспешные действия казны, вызванные угрозой закрытия предприятий и обнищания заводского населения, а иногда и желанием

помочь знатым или высокопоставленным заводчикам, поддерживали в глазах предпринимателей образ государства — покровителя промышленности, который приходит на помощь в трудное время.

В таких условиях заводчики были вынуждены не только ориентироваться на новейшие императивы экономического развития, но и опираться на сохранявшиеся традиционные институты и при необходимости пользоваться ими. В частности, не утратило своего значения давнее стремление предпринимателей быть ближе к власти с ее неограниченными возможностями и ресурсами. Постепенно сформировавшееся в среде заводладельцев осознание общности интересов и необходимости их лоббирования в правительстве привело к организации, начиная с 1880 г., региональных съездов и созданию в 1898 г. постоянно действующего Совета съездов горнопромышленников Урала.

Многokrратно усложнившиеся условия развития промышленности региона во второй половине XIX — начале XX в. отразились на составе частных горнозаводских хозяйств как во владельческом, так и в посессионном секторе. За это время Троицкие, Преображенский, Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский, Благовещенский, Архангельский, Каноникольский владельческие заводы и Кнауфские, Уинские, Мешинский, Бемышевский, Шильвинский и Святочудовский посессионные заводы были ликвидированы или репрофилированы. Ревдинский округ лишился Рождественских заводов, преобразованных в сельскохозяйственное имение. На Богословском медно-селитряном заводе сохранилось только химическое производство, в результате чего он вышел из подчинения горного ведомства.

Вместо владельческого Лысьвенского округа в 1864 г. появились Лысьвенско-Теплогорский и Юго-Камский округа. Владельческий же Никитинский (Луньевский) округ в 1884 г. оказался в общем владении с посессионным Нижнетагильским. От Пожевского округа в 1888 г. отделилась Всеволодовильвенская часть, репрофилированная на лесохимическое производство. Билимбаевские заводы строгановского майората в 1872 г. объединились с Кыновским округом, а в 1890 г. — и с Уткинским заводом распавшегося Суксунского округа. После распродажи в 1890–1893 гг. этого посессионного округа по частям образовались новые владельческие горнозаводские

⁹ См.: Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011.

¹⁰ Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. М., 2008.

хозяйства (Суксунско-Молебский, Бымовский, Камбарский округа), позже прекратившие свою деятельность. Уже во время I Мировой войны Камбарский округ присоединили к Нытвенско-Чусовскому.

Кирсинско-Кажимские заводы были разделены: Кирсинские (Вятские) в 1866 г. перешли к казне, а Кажимские составили самостоятельный посессионный округ. От Шурминско-Залазнинских заводов после продаж в качестве горнозаводской сохранилась только их Залазнинская часть, в 1887 г. объединенная с Холуницким округом. Позже Залазнинские заводы были превращены в лесопромышленное хозяйство, а Холуницкие в 1914 г. перешли во владение казны. Юрюзанские заводы в 1891 г. были объединены с Катавскими, а Кагинские в 1897 г. — с Белорецкими заводами. На основе этих четырех округов предполагалось создать в 1917 г. одно гигантское хозяйство для масштабной эксплуатации Магнитогорского железорудного месторождения. В 1899 г. Усть-Катавский завод был отделен от Катавского округа и продан акционерной компании.

Во второй половине XIX — начале XX в., как упоминалось, несколько частных округов стали казенными, а некоторые, наоборот, были проданы казной. В 1870-е гг. дополнили состав владельческих округов Вятские, Богословские и Николае-Павдинские заводы. После остановки заводов Николае-Павдинского округа в начале 1890-х гг. там получили развитие золотодобыча и лесная промышленность. В качестве натуральной компенсации невозвратных долгов два округа перешли во владение казны — Вятский (1866 г.) и Холуницкий (1914 г.). Первый из них в 1879 г. продали как владельческий и объединили с посессионным Омутнинским округом, второй — отдали в аренду местному земству.

Если в первой половине XIX в. на Урале возникло лишь одно маломощное горнозаводское хозяйство (Святочудовский завод), то после снятия сословных ограничений на владение горными заводами и разрешения «горного промысла» на свободных казенных землях сформировалось несколько владельческих хозяйств, для которых были куплены или арендованы расположенные поблизости лесные дачи. Эти хозяйства специализировались в основном на чуноноплавильном производстве. Они создавались в прежде не востребованных рудных и лесных районах Северного Урала (Сосьвинский округ — в 1885 г.,

Кутимский — в 1890 г., Лукьяновский — в 1900 г., Вельсовский — в 1906 г.) или Южно-Урала (Ивано-Павловский — в 1875 г., Михайловский — в 1880 г., Зигагинский и Лемезинский — в 1890 г., Инзеровский — в 1892 г., Никольский — в 1899 г.). Были основаны также Васильевский плавильный завод (1879 г.), Порожский ферросплавный (1908 г.), Благодатный (1908 г.) и Таналыкский (1912 г.) медные заводы. Однако судьба новых хозяйств далеко не всегда складывалась удачно: многие из них вскоре были закрыты (Васильевский — в 1883 г., Михайловский — в 1887 г., Ивано-Павловский — в 1898 г., Лукьяновский — в 1901 г., Кутимский и Вельсовский — в 1907 г., Благодатный — в 1914 г.). Лемезинский завод объединили в одно хозяйство с Авзяно-Петровским округом, а в 1908 г. производство там прекратилось; оно частично возобновилось лишь в годы I Мировой войны. Сосьвинский завод в 1894 г. вошел в состав Богословского округа.

Как видно, и разделы горнозаводских хозяйств, и их объединение во второй половине XIX — начале XX в. заметно интенсифицировались. Разделы, как правило вынужденные, проводились в целях продажи крупных и дорогостоящих округов по частям или решения проблем наследования. Однако это часто вело к ослаблению ресурсного потенциала новых хозяйств и к сворачиванию в них горнозаводской деятельности. Объединение же, напротив, укрепляло ресурсную базу округов и предопределяло возможность их выживания. В результате всех изменений в 1861–1917 гг. количество частных горнозаводских хозяйств на Урале, в целом, сократилось с 42 до 28. Вместе с тем несколько увеличилось количество владельческих хозяйств (с 19 до 20, т. е. с 45 % до 71 %) и существенно обновился их состав. Количество посессионных округов, наоборот, уменьшилось (с 17 до 6, т. е. с 41 % до 22 %); сократилось и количество округов, в составе которых были и владельческие, и посессионные заводы (с 6 до 2, т. е. с 14 % до 7 %).

Столь динамично менявшиеся условия и облик промышленности не могли не вызывать перемен в составе и облике заводоладельцев.¹¹ По нашим подсчетам, с 1861 г. по 1917 г. в этой роли побывали 438 чел., из них 302 (69 %) — принадлежали к «старинным»

¹¹ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

родам, которые начали заниматься горнозаводским предпринимательством на Урале еще в XVIII в., 58 (14 %) — к родам, которые сформировались в первой половине XIX в., 78 чел. (17 %) вошли в состав уральских заводчиков после 1861 г. при покупке округов или создании новых. По сравнению с составом заводоладельцев первой половины XIX в., количество представителей «старинных» родов сократилось на 16 %, на столько же увеличилось число «новых» заводчиков (в основном за счет владельцев новых хозяйств, часто составлявших компании из нескольких лиц).

Полуторазековая история уральской горнозаводской промышленности и новые веяния в ее развитии после 1861 г. отразились на социальном составе заводчиков. В целом среди них сохранялось преобладание высшего российского сословия, доля которого составляла 85 % (371 чел.). Отмена сословных ограничений повлияла на рост представительства других сословий: в составе заводчиков оказалось 26 почетных граждан и купцов первой гильдии (6 %), 22 купца второй и третьей гильдий (4,5 %), один мещанин (0,2 %), пять крестьян (1,2 %), а также пять лиц, сословный статус которых трудно определить (1,2 %). Кроме того, владельцами уральских заводов состояли семь британцев и один американец. К «старинным» родам принадлежали 300 дворян и всего два почетных гражданина. Остальные представители разных сословий и иностранцы относились к «новым» заводчикам, состав которых отличался большей разнородностью. Среди дворян значилась 81 титулованная особа, из них 86 % представляли «старинные» роды владельцев. Высокую долю дворянского и аристократического «слоя» можно считать особенностью состава уральских заводчиков на фоне состава предпринимателей в других отраслях промышленности или в других регионах России. Это во многом было следствием нобилизации, затронувшей крупнейшие роды уральских заводчиков (потомков Н. Д. Демидова, С. Я. Яковлева, И. С. Мясникова, А. Ф. Турчанинова, Л. И. Расторгуева, В. Н. Рукавишника и др.). Начавшись еще в XVIII в., этот процесс продолжался в течение всего XIX в., захватывая всё новые роды заводчиков. Хотя после 1861 г. дворянский статус уже не давал особых привилегий заводоладельцам, он сохранял престижность, по-прежнему выступая критерием состоявшейся личной карьеры и значимости рода. Принадлежность к этому

сословию накладывала и особый отпечаток на облик заводоладельцев, препятствуя в той или иной степени «профессионализации» их предпринимательских занятий.

В составе уральских заводчиков оказалось и достаточно много женщин (191 чел., или 43 %). Но только четыре из них приобрели заводы, причем лишь одна (О. Н. Рошефор) сделала это по собственной инициативе. Другими, по-видимому, руководили их мужья: министр юстиции Д. В. Дашков (супруг Е. В. Дашковой, еще в 1835 г. купившей Благовещенский завод), статс-секретарь А. А. Половцов (супруг Н. М. Половцовой, приобретшей в 1884 г. Богословский округ, а в 1894 г. — Сосьвинский), К. Э. Белосельский-Белозерский (супруг Н. Д. Белосельской-Белозерской, которая в 1891 г. купила Юрюзанские заводы и через 10 лет подарила их мужу). Остальные владелицы наследовали заводы, после чего, как правило, передоверяли обременительные обязанности по управлению ими родственникам или наемным специалистам.

К «старинным» заводчикам относились 37 военных и штатских генералов, 52 жены генералов; 24 представителя имели придворные чины. Среди них также были губернаторы (А. Г. Строганов, А. Н. Всеволожский, А. Н. Мосолов), посол (Е. П. Демидов), члены Государственного совета (А. Г. Строганов, С. Г. Строганов, Н. П. Балашов, С. А. Мордвинов), министр (А. Г. Строганов) и супруги министров (Е. А. Воронцова-Дашкова, Е. В. Дашкова, А. Х. Делянова, Е. А. Тимашева). Председателями губернских земских собраний и земских управ избирались А. Н. Всеволожский, А. А. Турчанинов и А. П. Шувалов, губернскими предводителями дворянства — М. В. Всеволожский, А. А. Турчанинов, А. П. Шувалов и П. П. Шувалов. В состав «старинных» заводчиков входили директор Императорских театров и Эрмитажа И. А. Всеволожский, киевский городской голова П. П. Демидов, президент Московского общества истории и древностей российских и воспитатель цесаревича С. Г. Строганов.

Среди «новых» заводчиков высокопоставленных чиновников было значительно меньше: всего семь штатских генералов (и пять жен генералов). Но вместе с тем и среди них были члены Государственного совета (В. Н. Охотников, В. А. Бутлеров) и Британского парламента (А. Броден, Д. Ланкастер,

Ф. Э. Б. Бомонт), петербургский городской голова В. А. Ратьков-Рожнов, председатель Петербургской губернской земской управы В. В. Меллер-Закомельский, посол С. А. Поклевский-Козелл. Уральскими заводчиками во второй половине XIX — начале XX в. стали представители новых предпринимательских родов России (Асеевы, Башмаковы, Берги, Дервизы, Злоказовы, Каменские, Пастуховы, Поклевские-Козелл, Ратьковы-Рожновы, Рукавишниковы, Солодовниковы, Хлудовы).

Как можно судить по динамике состава уральских заводчиков, количество и «старинных», и «новых» родов заводчиков после 1861 г. сокращалось. Так, из состава 12 «старинных» родов (насчитывавших от трех до восьми колен) полностью выбыли пять (Всеволожские, Мосоловы, потомки А. Ф. Турчанинова, Губины, Лебедевы). Потомки С. Я. Яковлева, Голицыны и по одной ветви Демидовых (из трех ветвей рода) и Шуваловых стали акционерами, как и две ветви (из шести) потомков И. С. Мясникова (Белосельские-Белозерские, Балашовы). Из девяти родов (от двух до трех колен) и четырех лиц (они не передавали заводы по наследству и не составляли родов заводчиков), которые стали владельцами горнозаводских округов в первой половине XIX в., никто не сохранил заводы в своем владении. Дворянские роды Бенардаки, Пономаревых и Шелашниковых, купеческие роды Коровиных и Подьячевых, не сумев закрепиться в уральской промышленности, выбыли из рядов уральских заводчиков в результате закрытия или продажи заводов. «Одворянившиеся» потомки купцов Расторгуевых, Ярцовых, Пастуховых и Рукавишниковых после акционирования принадлежавших им округов стали владельцами акций. Из состава заводчиков, начавших свою деятельность на Урале после 1861 г., выбыли (двухколенные) дворянские роды Башмаковых, Поклевских-Козелл, Ратьковых-Рожновых, купеческие роды Каменских, Злоказовых, Беляковых и Белиньковых, крестьянский род Шамовых, а также род британских дворян Бродген. Продажей, закрытием или реквизицией заводов завершилось горнозаводское предпринимательство 26 владельцев, не составивших родов; шесть таких владельцев стали акционерами. Очевидно, что сложные условия развития горнозаводской промышленности придали особый динамизм группе «новых» заводчиков.

В результате этих изменений проявилась тенденция к сокращению состава заводчиков. Хотя их общее количество по сравнению с предыдущим периодом увеличилось почти на треть (324 чел. в 1800–1861 гг., 438 — в 1861–1917/19 гг.), число заводчиков в «рубежные» годы значительно (в 10,4 раза) уменьшилось (с 83 чел. в 1861 г. до 8 чел. в 1917/19 гг.). Из «старинных» родов ко времени национализации промышленности полноправными заводчиками оставались лишь граф С. А. Строганов (Пермский майорат с Билимбаевско-Уткинскими заводами), княгиня М. П. Абаменек-Лазарева и ее племянник граф И. С. Мещерский (совладелец Чёрмоозских заводов) и графиня Е. А. Воронцова-Дашкова (Юго-Камский округ). Они принадлежали к богатейшим аристократическим фамилиям, чем во многом и объяснялось их столь продолжительное владение заводами (без продажи или акционирования). Из «новых» заводчиков это были князь С. Е. Львов (Пожевский округ), В. А. Бутлеров (Кажимский округ), М. В. Асеев (Зигаинский округ) и граф З.-Г.-А. Грохольский (Залазнинский округ), ставшие владельцами уже в начале XX в. Известно, что некоторые из этих владельцев (в частности, С. Е. Львов и наследники С. С. Абаменек-Лазарева) в 1910-е гг. готовы были отказаться от своего права владения заводами в пользу акционерных обществ. Неакционированный Ревдинский округ был реквизирован у П. Г. Солодовникова во время I Мировой войны, а Никольский завод продан Злоказовыми кооперативному союзу в 1919 г.

Остальные уральские горнозаводские округа находились во владении акционерных обществ или в долгосрочной аренде у них (фактически приравненной к владению). Вместе с тем участниками этих обществ могли числиться и бывшие заводчики, часто сами иницировавшие их создание. Владельцами акций оставались «нижнетагильские» наследники П. П. Демидова, «верх-исетские», «алапаевские» и «невьянские» потомки С. Я. Яковлева, «лысьвенские» наследники П. П. Шувалова и «нытвенский» С. М. Голицын, «симские» Балашовы и «катав-юрюзанские» Белосельские-Белозерские, «омутнинские» Пастуховы, «кыштымские» потомки Л. И. Расторгуева, «авзяно-петровские» Бенардаки, «невьянско-алапаевские» Рукавишниковы, «шайтанские» Берги, «сысертский» Д. П. Соломирский, «инзеровский» С. П. фон

Дервиз и «богословская» Н. М. Половцова. Однако их доля акций при продажах или эмиссиях постепенно переходила к крупным банкам или банковско-промышленным группам, вследствие чего снижалась и роль бывших владельцев в управлении. По-видимому, еще до национализации промышленности вышли из состава акционеров Д. П. Соломирский, Пастуховы и Бенардаки.

Действовавшие Белорецко-Кагинский и Сергинско-Уфалейский округа находились во владении акционерных обществ без участия прежних владельцев со времени их учреждения. Изначально акционерным компаниям принадлежали и два новых горнозаводских хозяйства — Порожское (Уральское электрометаллургическое товарищество) и Таналык-Баймакское (Южно-Уральское горнопромышленное общество), — которые продолжали действовать вплоть до национализации, растянувшейся на Урале с 1917 г. по 1919 г. Таким образом, к этому моменту 20 горнозаводских хозяйств (72 %) из 28, находившихся в ведении Уральского горного управления, принадлежали уже акционерным обществам.

Столь динамично менявшийся в течение второй половины XIX — начала XX в. состав заводчиков и общее сокращение количества заводладельцев в результате закрытия, продажи и акционирования заводов наглядно свидетельствуют о том, что владение горными заводами на Урале превратилось в этот период в один из самых сложных видов предпринимательской деятельности. Роль заводладельцев при этом существенно повышалась и становилась более значимой, чем прежде.

Изучение деятельности уральских горнозаводчиков позволяет утверждать, что при всем многообразии их «поведенческих» типов новая эпоха в истории уральской промышленности способствовала развитию нескольких основных тенденций в формировании их обновленного исторического облика. Сложность функций заводладельца вела либо к его отторжению от заводов и полному освобождению от обременительных обязанностей, либо, напротив, к его активному личному участию в управлении заводами.

Следствием первой тенденции мог стать полный отказ владельца от владения заводами при закрытии или продаже (так, к примеру, поступили А. А. Грамматчиков, Дашковы, Каменские, С. С. Коссаковский, В. Рекстер-Вагстаф, И. А. Сухозанет и др.). В качестве ва-

рианта этой тенденции можно рассматривать и отказ от права распоряжения заводами при сохранении права владения, что реализовывалось в получении денежной ренты, хотя и не всегда стабильной. Такими владельцами-рентье, никак не проявлявшими себя в управлении заводами, стали многие пайщики Невьянских, Алапаевских, Лысьвенских и Сысертских заводов. В рамках этой же тенденции следует рассматривать и передачу заводов в долгосрочную аренду (как поступили Всеволожские, С. М. Голицын, Сухозанеты). Отметим, что выбор заводладельцами какой-либо из этих ролей оставался в рамках тем или иным образом понимаемой ими целесообразности.

Более значимая вторая тенденция реализовалась в появлении таких незаурядных личностей из «старинных» родов заводладельцев, как С. Г. Строганов, С. С. Абамелек-Лазарев, П. П. Шувалов, П. М. Турчанинов, П. В. Берг, А. А. Стенбок-Фермор, Н. Н. Манзей, В. В. Петров, С. И. Волков, М. Н. Граббе и др. Они успешно сочетали государственную службу с активной предпринимательской деятельностью или отдавались ей полностью. К этому типу по некоторым характеристикам можно отнести также Балашовых, Е. П. Демидова, Д. П. Соломирского, С. А. Строганова.

Динамичное «движение» собственности, характерное для второй половины XIX — начала XX в., выявило нескольких способных «новых» заводчиков — приобретателей горнозаводских имений, которые серьезно и ответственно относились к своим обязанностям. В их числе можно назвать С. Д. Башмакова, С. Е. Львова, Н. П. Пастухова, Г. М. Пермикина, А. Ф. Поклевского-Козелл, В. А. Ратькова-Рожнова, В. Рекстер-Вагстафа, В. Н. Рукавишников, П. Г. Солодовникова. К покупке уральских заводов их часто приводила не только готовность заняться горным делом, но и возможность развивать на огромных территориях горнозаводских округов другие, не столь затратные и сложные виды предпринимательства (добыча минералов или лесная промышленность).

Новый виток горнозаводского учредительства способствовал появлению в среде уральских заводчиков и личностей «авантюрного склада». К ним, вероятно, относились крестьянин Н. Д. Шамов, купцы М. И. Лукьянов и Э. В. Шпис, потомственный дворянин Х. Я. фон Таль. Энергичность, а часто и чрезмерная предприимчивость вообще свойствен-

ны первым поколениям предпринимателей, как и то, что далеко не всегда из-за отсутствия опыта или достаточных капиталов им сопутствует удача.

Для реализации своих функций большинство уральских заводоуправлений использовало сложившуюся еще в XVIII — первой половине XIX в. (вместе с завершением формирования горнозаводских округов и «сословия» служащих) дистанционную модель управления, получившую в рассматриваемый период дальнейшее развитие. Центральные управления, прежде, как правило, полностью зависевшие от владельца, теперь, наряду с владельцами, включали и опытных наемных специалистов (инженеров, финансистов, профессиональных администраторов). Управления приобретали вид коллегиальных учреждений, где совместно решались сложные задачи развития заводов. Обычно они были расположены в Петербурге, что не обязательно совпадало с местом жительства владельцев. Обязанности заводчиков при такой модели управления сводились к формированию компетентной администрации, к контролю над финансами и к участию в принятии стратегических решений.

Местные уральские заводоуправления сохранили свой прежний вид, кроме, пожалуй, того, что характерный для крепостного периода административный персонал, формировавшийся из горнозаводского населения, отеснялся с высших должностей образованными наемными специалистами «со стороны». Это стало возможным в результате развития высшего специального образования в России и вело к закономерному «размыванию» привилегированного слоя потомственных служащих в составе горнозаводского населения.

Во второй половине XIX — начале XX в. заводчики не только стали чаще посещать свои уральские имения в целях контроля управления, но и переселялись иногда на постоянное место жительства на Урал. Так, в частности, поступили П. А. Всеволожский, А. Н. Всеволожский, С. Е. Львов, А. Ф. Поклевский-Козелл, Д. П. Соломирский и, что уж совсем неожиданно, намеревавшийся жить в Холунице британский барон В. Рекстер-Вагстаф. Предпринимательство часто оказывалось для таких владельцев основным занятием. В свое время в результате «одворянивания» заводчики предпочли государственную службу, при этом управление заводами в их деятельности пере-

местилось на второй план. Теперь же, когда занятие предпринимательством становилось не менее престижным, чем государственная служба, самые ответственные из них преодолевали сословные предпочтения и обращались к личному управлению заводами. Такие владельцы во многом напоминали «фундаторов» уральских заводов XVIII в.

Вместе с тем среди заводчиков второй половины XIX — начала XX в. по-прежнему встречался тип расточительных и беспечных владельцев, получивших заводы, как правило, по наследству. Достоверно известно о крупных частных (часто карточных) долгах П. Д. Соломирского, Н. И. Пашкова, Н. Н. Всеволожского и И. А. Поклевского-Козелл, ставших причиной официального признания их банкротами. Расточительной была объявлена и Е. М. Волконская, состоявшая под опекой; известно об этой же склонности к расточительству М. А. Турчаниновой. Как «беспечных» характеризовали современники владельца Холуницкого округа А. Д. Пономарева и владельца Каноникольского округа А. П. Загряжского. Граф А. В. Стенбок-Фермор поплатился опекой за вполне типичное для его круга увлечение актрисой. С подобного же, разорительного для заводов казуса начинал «карьеру» заводчика и князь С. М. Голицын.

В некоторых случаях несостоятельность заводоуправлений обуславливалась и объективными обстоятельствами. Так, фактическое признание банкротами Губиных, А. И. Сухозанета, С. Д. Башмакова, Г. М. Пермикина, А. П. Демидова, К. Э. Белосельского-Белозерского явилось следствием провала предпринимаемых ими мер по возрождению заводов. В условиях, когда горнозаводская промышленность вступила на рыночный путь с его нестабильной, а порой и непредсказуемой динамикой, в отсутствие развитой экономической науки и прогнозируемой экономической политики многие заводчики часто принимали стратегические решения, сопряженные с немалым, а порой и неоправданно высоким финансовым риском.

Сохранение типа «расточительных» владельцев и примеры несостоятельности даже «ответственных» заводчиков негативно влияли на развитие принадлежавших им заводов, что вело к упадку производства и обнищанию населения. Это давало дополнительный повод государству сохранять рычаги воздействия на предпринимателей, не отказываясь полностью

от вмешательства в их хозяйственную деятельность. Для профилактики, а порой и для преодоления негативных последствий банкротства заводов во второй половине XIX — начале XX в. использовались как старые, так и новые механизмы помощи заводладельцам или устранения их от управления и даже от владения предприятиями. К таким механизмам можно отнести учреждение казенных или опекунских управлений, а также назначение заводов на публичные торги. Более широко практиковались аренда и передача заводов в конкурсное (кредиторское) управление. Новым явлением стали первые случаи учреждения антикризисных администраций в начале XX в. Эти меры в той или иной степени не позволяли укорениться в составе заводчиков неспособным и безответственным владельцам, которые были характерны для всех эпох развития уральской горнозаводской промышленности.

Однако при всем разнообразии типов ведущей тенденцией в развитии образа заводчика во второй половине XIX — начале XX в. стала его, если можно так сказать, «институционализация» в виде паевых товариществ и акционерных обществ.

Учреждение семейно-паевых товариществ оказалось достаточно действенным, хотя и небезупречным способом урегулирования вопросов владения и управления «многовладельческими именными», каковыми все чаще становились уральские горнозаводские округа в XIX в. Первыми пример такого устройства продемонстрировали «алапаевские» Яковлевы, еще в 1858 г. подготовившие «Положение об общем управлении». В отличие от прежних «домашних актов», такие «положения» санкционировались верховной властью и вследствие этого приобретали обязательный для всех совладельцев характер. По пути создания паевых товариществ позже пошли «невьянские» (1862 г.) и «верх-исетские» (1899 г.) потомки С. Я. Яковлева, «пожевские» Всеволожские (1882 г.), «кыштымские» потомки Л. И. Расторгуева (1891 г.), «нижнетагильские» наследники П. П. Демидова (1896 г.) и «лысьвенские» наследники П. П. Шувалова (1901 г.). В расчете на будущих многочисленных наследников С. С. Абамелек-Лазарев (1905 г.) и К. Э. Белосельский-Белозерский (1915 г.) также пытались учредить семейно-паевые товарищества, но санкции на это не получили.

Упорядочивая владение и управление, паевое товарищество как организационная фор-

ма не лишало совладельцев их статуса и прав, что существенно ограничивало оперативность действий выборных правлений, особенно при решении стратегических задач, когда требовалось общее согласие. Кроме того, сохранявшаяся при этой форме индивидуальная ответственность многочисленных совладельцев за результаты управления затрудняла получение ипотечных ссуд и частных инвестиций, в том числе иностранных. Поэтому создание паевых товариществ оказывалось лишь первым шагом на пути «институционализации» и, как правило, предшествовало акционированию, которое не только устраняло эти ограничения в распоряжении заводами, но и при необходимости позволяло получить дополнительные выгоды, в первую очередь в виде инвестиций, необходимых для реконструкции заводов.

Можно с уверенностью сказать, что акционирование являлось вполне закономерным следствием нового, индустриального, этапа в развитии уральской горнозаводской промышленности, требовавшего большей оперативности в управлении предприятиями и огромных капиталовложений. Заводчиками акционирование рассматривалось как вынужденный, но, пожалуй, и как самый эффективный способ преодоления всё нараставших трудностей. Однако, способствуя решению многих проблем, акционирование имело неизбежное при любом его варианте следствие: оно лишало заводчиков статуса владельцев, передавая его акционерным компаниям как сообществам владельцев акций. Большинство бывших заводчиков теряло свои позиции в учрежденных ими (или с их участием) закрытых или открытых акционерных компаниях, уступая ведущую роль крупным банкам или банковско-промышленным группам. Именно за такими акционерными обществами, на наш взгляд, стояло будущее уральской горнозаводской промышленности, если бы в России сохранились условия для развития частного предпринимательства.

Общая эволюция уральских заводчиков, таким образом, в целом повторяла типичный для крупного предпринимательства путь от индивидуальных владельцев — организаторов производства, что характерно для периода становления промышленности, до акционерных обществ в роли владельцев, что свойственно периоду развитой промышленной деятельности. Всестороннее изучение горнозаводского предпринимательства свидетель-

ствует о том, что направление вектора этого макроисторического процесса определялось действием объективного фактора (в первую очередь начавшейся индустриализацией), а влияние субъективного фактора (в первую очередь действий заводчиков) сказывалось на его темпах и отражалось на специфике организационных форм на микроуровне отдельного горнозаводского округа.

На заключительном, прерванном революцией и национализацией этапе истории

уральской горнозаводской промышленности эволюция образа заводладельца, как представляется, близилась к своему естественному завершению: большинство частных горнозаводских хозяйств переходило к акционерным обществам с доминированием в их составе крупных промышленных или финансовых организаций. Уральские заводчики постепенно утрачивали не только присущее им типовое разнообразие, но и свой персонифицированный облик.

Ключевые слова: *Урал, горнозаводская промышленность, горнозаводчики, частное предпринимательство, акционирование*

Аннотация: В статье представлен исторический облик владельцев металлургических заводов Урала на заключительном этапе развития горнозаводского предпринимательства — во второй половине XIX — начале XX в. Дана характеристика условий развития горнозаводской промышленности региона и динамика состава горнозаводских хозяйств, определены численность и социальный состав заводладельцев, выявлены основные тенденции в эволюции типов уральских заводчиков. Делается вывод о том, что общая эволюция облика уральских заводчиков, в целом, повторяла типичный для крупного предпринимательства путь от индивидуальных владельцев — организаторов производства, что характерно для периода становления промышленности, до акционерных обществ в роли владельцев, что свойственно периоду развитой промышленной деятельности. При этом горнозаводчики постепенно утрачивали не только присущее им типовое разнообразие, но и свой персонифицированный облик.

Eugeniy G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ntplant9@mail.ru

EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE OWNERS OF METALS AND MINING COMPANIES OF THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

The article gives an overview of the historical image of the Urals metals and mining companies' owners at the final stage of the mining and metals entrepreneurship evolution, i. e. during the second half of the 19th — early 20th centuries. It characterizes the conditions for the mining and metals industry development in the region and the mining and metals business composition dynamics, the author provided statistics for the number and social status of business owners, identified major trends in the evolution of main types of the Urals company owners. The author came to a conclusion that historical evolution of the Urals entrepreneurs' image in general followed the typical for the large business path from the individual owners — production organizers, which was characteristic for the early period of industry development, to joint ownership in the form joint stock companies, typical for the period of mature industrial production. At the same time metals and mining entrepreneurs gradually lost their essential variety of types, as well as the personified entrepreneur image.

Key words: *Ural, mining and metallurgical industry, mine owners, private enterprise, corporatization*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Gavrilov D. V. *Metallurgiya Urala s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Metallurgy of the Urals from the ancient times to the present day]. Moscow: Nauka Publ., 2008, 886 p. (in Russ.).

Alevras N. N. *Agrarnaya politika pravitelstva na gornozavodskom Urale v nachale XX v.* [The agrarian policy of the government on the mining industrial Urals in the early XX century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ., 1996, 212 p. (in Russ.).

Buranov Yu. A. *Aksionirovanie gornozavodskoy promyshlennosti Urala (1861–1917)* [Corporatization of the mining industry in the Urals (1861–1917)]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 262 p. (in Russ.).

Druzin M. V. *Uralskie gornozavodchiki i vlast v kontse XIX — nachale XX v.: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Ural mine owners and the power in the late XIX — early XX century]: dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg: SPbII RAN Publ., 2013, 245 p. (in Russ.).

Gorovoy F. S. *Padenie krepostnogo prava na gornykh zavodakh Urala* [The fall of serfdom in the factories of the Urals mountain]. Perm: knizhnoe izdatelstvo Publ., 1961, 408 p. (in Russ.).

Guskova T. K. *Nizhnetagil'skiy gornozavodskiy okrug Demidovykh vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. Zavody. Rabochie* [Nizhny Tagil mi-ning and metallurgical district Demidov in the second half of XIX — early XX century. Factories. Working]. Nizhny Tagil: izdatelstvo NTGSPA Publ., 2007, 294 p. (in Russ.).

Kafengauz B. B. *Istoriya khozyaystva Demidovykh v XVIII–XIX vv.: opyt issledovaniya po istorii uralskoy metallurgii* [History economy Demidov in XVIII–XIX centuries: experience of research on the history of the Ural metallurgy]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1949, Vol. 1, 524 p. (in Russ.).

Neklyudov Ey. G. *Posessionnoe pravo v istorii uralskoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX — nachala XX v.* [Possessional right in the history of the Ural mining industry XIX — early XX century]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011, 274 p. (in Russ.).

Neklyudov Ey. G. *Uralskie zavodchiki v pervoy polovine XIX v.: vladeltsy i vladeniya* [Ural breeders in the first half of the XIX century: the owners and ownership]. Nizhny Tagil: izdatelstvo NTGSPA Publ., 2004, 600 p. (in Russ.).

Neklyudov Ey. G. *Uralskie zavodchiki vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.: vladeltsy i vladeniya* [Ural breeders in the second half of XIX — early XX century: the owners and ownership]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2013, 660 p. (in Russ.).

Pavlenko N. I. *Istoriya metallurgii v Rossii v XVIII v.: zavody i zavodovladeltsy* [History of metallurgy in Russia in the XVIII century: factories and factory owners]. Moscow: izdatelstvo AN SSSR Publ., 1962, 566 p. (in Russ.).

Sapogovskaya L. V. *Gornozavodskaya promyshlennost Urala na rubezhe XIX–XX vv. (K kharakteristike protsessov monopolizatsii)* [Mining and metallurgical industries of the Urals to the XIX–XX centuries (On the characterization process of monopolization)]. Ekaterinburg: BKI Publ., 1993, 194 p. (in Russ.).

Sapogovskaya L. V. *Voprosy Istorii* (Questions of the History), 2006, № 3, pp. 19–34. (in Russ.).

Vyatkin M. P. *Gornozavodskiy Ural v 1900–1917 gg.* [Ural mining and metal in the years 1900–1917]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965, 400 p. (in Russ.).

Zubkov K. I., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V., Tulisov Ye. S. *Territorialno-ekonomicheskoe upravlenie v Rossii XVIII — nachala XX v.: Uralskoe gornoe upravlenie* [Territorial and economic governance in Russia XVIII — beginning of XX century: Ural mining administration]. Moscow: Nauka Publ., 2008, 356 p. (in Russ.).